

Юри Эксодус

Депортация эстонцев в 1949. Воспоминания

16+

**Ливи Тийтус
Юри Эксодус**

**Депортация эстонцев
в 1949. Воспоминания**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41758338

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта книга о жизни эстонской семьи до и во время депортации 1949 года. Наверное невозможно найти ни одной книги на русском языке, в которой бы описывалась жизнь эстонских спецпереселенцев в Сибири. Скорее всего, такие книги и не могли появиться по простой причине: ведь почти все эстонцы были простыми земледельцами и тружениками, у которых была единственная цель – выжить на чужой им русской земле.

Депортация эстонцев в 1949. Воспоминания

Предисловие

Сразу хочу предупредить уважаемого читателя, что замысел изложения воспоминаний моей мамы состоит отнюдь не в том, чтобы укорить судьбу или её вершителей. Немало в мире и других несправедливостей, но к любым из них следует относиться стоически, не теряя присутствия духа. Я надеюсь, что, ознакомившись с жизнью одной эстонской семьи, прошедшей через многочисленные испытания, многие из вас, дорогие читатели, не станут унывать, если столкнутся с временными трудностями, какими бы тяжёлыми они не казались. Беды когда-то заканчиваются, а опыт выживания остаётся и его нужно передавать следующим поколениям.

Я попросил маму подробно рассказать о жизни во время депортации, потому что пока не нашёл ни одной книги на русском языке, в которой бы описывалась жизнь эстонских спецпереселенцев в Сибири. Скорее всего, такие книги и не могли появиться по простой причине: ведь почти все эстонцы были простыми земледельцами и тружениками, у которых была единственная цель – выжить на чужой земле.

Так распорядилась судьба, что мама уже не вернулась на свою родную землю, попав в водоворот индустриализации СССР. Она вместе с моим отцом объехала множество республик, создавая новые заводы и фабрики. Несмотря на уже

совершенное владение русским языком, мама передаёт события языком практичного жителя эстонского хутора – просто, логично, с пользой для слушателя. Поэтому я не меняю ни одного её слова.

Другая цель этой книги – познакомить читателя с дальними местами России, где интересно побывать, а времени достаёт не у каждого из нас.

Депортация

25 марта 1949 года начались массовые репрессии против эстонского, и не только, народов. Было раннее утро, где-то полшестого утра, когда раздался сильный стук в парадную дверь. Мы, дети, испуганные, соскочили с кровати, стояли и ждали. Мать сказала: «Ну вот, пришли за нами». Морально мы уже недели две были готовы к этому.

Слухи о том, что будут высылать в Сибирь, ходили. На нашей тупиковой станции Вяндра стоял целый состав вагонов, которые использовались для перевозки скота на мясокомбинат. Но эти вагоны были дополнительно оборудованы нарами и железной печкой. И в маленьком Вяндра это не могло остаться тайной.

Когда отец открыл дверь, прямо в спальню вошли два солдата с ружьями и человек в гражданском. Они прочитали какую-то бумагу, где было сказано, что мы как «нежелательные элементы» подлежим высылке и нам даётся на сборы один

час. И назвали, сколько с собой можно будет взять вещей. Мы стояли в ночном белье, прижавшись друг к дружке, и смотрели на этих людей, ничего не понимая. Мне было 13 лет, Маре 12, а Меди в этот день исполнилось 11 лет.

Как раз мать с вечера испекла большой крендель, который так и остался на столе в столовой. У нас было принято приглашать знакомых детей, подружек. И в этот день можно было и болтать за столом, и никто нам не делал замечание. Взрослые с нами не сидели.

Но вернусь к событиям этого утра, чтобы рассказать на примере одной нашей семьи, как отправляли целые народы в далёкую Сибирь, о которой знали только то, что там очень холодно и это место ссылки во все времена. А впоследствии оказалось, что эта Сибирь – просто сказочная страна. Настолько там богата и красива природа, и земля – как пух, не то, что в Эстонии, где одни камни, песок и глина.

В это утро, плохо соображая, мать заставляла нас одеваться, стараясь надеть на нас всех как можно больше одежды, предполагая, что всё что будет в котомках, по дороге отберут. Так было во времена ссылки в сороковом году. Людям разрешалось взять с собой всё, что хотели, но обязательно ещё топоры, пилы и гвозди. По дороге, кроме последних, всё у людей отбирали. Высаживали прямо в тайгу зимой. И мало из тех, кто выжил. Умерли от холода и голода. Мужчин отрывали от семей и отправляли на Север – на разные рудники, и не знаю ещё куда. Поэтому, для отца мать положила

какие-то вещи и еду отдельно. Отцу нашему было тогда 66 лет. Он старше матери на 26 лет.

Видимо, у всех в голове не укладывалось, что это последние минуты в этом доме и мы навсегда покинем его. Мать переживала, что осталась не подоена корова и не кормлены куры и свиньи. Отец собирал инструмент с гвоздями. Поскольку всё-таки все вещи на себя надеть было невозможно, сложили их в мешки. Положили хлеб и масло в деревянные кадушки, как сейчас помню. Его мы уже доедали в Сибири.

Перед домом стояла машина полуторка. Нас туда погрузили и отвезли в Дом культуры. Это совсем недалеко от нашего дома. Там выгрузили. Это было утром. И так в течение всего дня. Подъезжали машины, привозили семьи. Многие оказались или без детей, или без мужа и других членов семьи. Брали тех, кто оказывался дома в этот момент. Приходили знакомые, приносили нам какую-то еду. Но не каждый отваживался туда приходиться.

К вечеру большой зал был полон народу. А ночью подъехали крытые брезентом грузовики, вопреки прогнозам, что повезут нас железной дорогой. И всех погрузили в эти грузовики. В каждую машину по два солдата и третий рядом с шофёром. Машин было около пятнадцати, насколько я смогла их сосчитать уже в пути по огням, потому что везли нас ночью. И никто не знал, куда нас везут. Ехали в темноте, на малой скорости. Подряд три машины. Через метров 100 – ещё три, и так далее. Часто останавливались, потому что, ви-

димом, боялись «лесных братьев», которые могли напасть и помешать.

К утру привезли нас на станцию Ристи, под Таллином. Погрузили в «телячьи» вагоны с нарами и маленькими зарешёченными окнами под потолком. В вагон помещалось от 35 до 60 человек. С двух сторон были нары – нижние и верхние. В составе нашем было около шестидесяти вагонов. А сколько было этих составов – это сказала уже история: чтобы погрузить 20 000 человек из Эстонии, нужно было их очень много.

Везли нас около двух недель. Всю дорогу я сидела на верхних нарах и записывала названия станций чернильным карандашом на обороте открытки с фото нашего дома. Везли, я помню, через Уфу. В центре вагона стояла маленькая железная печка и ведро для туалета с дыркой в полу вагона. На больших станциях открывали двери, у которых стоял солдат, и можно было выйти за кипятком. В это время вокзал был окружён сплошным строем солдат.

Это было, кажется, в Свердловске. Нам с Маре дали эмалированное ведро с крышкой и двух солдат. И повели нас в какую-то столовую, довольно далеко, за супом. В этом городе было очень много путей на станции и на всех стояли такие же эшелоны или проходили. Так что нам удалось посчитать количество вагонов в составе – их было иногда по 60. Люди переговаривались через окошки и оказалось, что там не только эстонцы, но и латыши, и литовцы.

Наша конечная станция была Черепаново, Новосибир-

ской области. Там нас выгрузили и три дня мы жили в школе. Спали на полу. Народу было очень много – целые эшелоны, а может быть и больше. Это трудно просто представить.

Потом за нами приехали большие тракторные сани, так как была весна – апрель, и снег таял и была ужасная распутица. Дорог почти не было, а местность была слегка холмистая. В низинах стояла вода, местами сухо, но скользко. Сани с вещами заходили в воду, вещи промокали. Ехали около ста километров до районного центра Сузун.

Нас поселили в городской столовой. Народу было уже меньше, потому что, видимо, людей развозили из Черепаново куда-то и в другие районы. Из колхозов стали приезжать председатели и забирать себе работников. Мы попали в колхоз, расположенный в шестнадцати километрах от Сузуна, в деревне Нижний Сузун, которая стояла на берегу реки. Нас довезли до места уже на других санях и стали размещать по домам. Кого – к хозяевам, кого-то – в пустующие дома. Всего в колхозе поселили 28 депортированных эстонцев. Председатели колхозов возмущались: зачем столько детей – им нужны работники!

Жизнь в сибирской деревне

В 20-е годы раскулаченные местные жители тоже были выселены. Их раскулачивали по тем признакам – у кого 5-стенный дом, то есть две комнаты, вот тех и выслали. Раскула-

чили – и дома остались пустые. Некоторые дома были уже в плохом состоянии. Нам достался такой дом.

Одна комната была без пола – в ней жить было невозможно. Нам дали половину этого дома – примерно 15 квадратных метров. В углу – огромная русская печка, наверху пола, вокруг комнаты приделаны лавки и столик. Мы не знали, что так – во всех домах. Мы думали, что это пекарня, потому что такая печка большая! А мы такие печи русские никогда не видели. Там ещё был чугунок и деревянная лопата. Мы тоже не представляли, для чего это всё.

Бани в деревне топились по-чёрному. То есть без трубы, дым весь внутри. Пока топится очаг из глины, сверху на какой-то железяке куча камней. На них ведро с водой. Как только камни нагрелись и огонь перегорал, закрывали дверь. Было тепло, но все стены чёрные от сажи – не дотронуться. Потому так и называется – баня по-чёрному. Баня сложена из брёвен и с маленьким окошком.

Приходили какие-то соседи, учили нас, как топить печку, что дым идёт не назад, а вперёд, что там можно что-то испечь. Ну, каким-то образом научились. Все эстонцы, кто попал в такие пустующие дома, так же, как и мы думали, что это бывшие пекарни. Нам дали доски и отец сделал для нас нары на всю длину комнаты с правой стороны. С левой – была печка, на которой тоже можно было спать, и на полатах. И вот на этих нарах мы спали. И с нами была ещё одна знакомая из Вяндра – жена друга нашего отца, с мальчиком около

10 лет.

Под этим домом был ещё погреб – там называется «голубец». Картошка там в первый год замёрзла – стала очень сладкой. И мы её ели сырую, как яблоки. Спали на соломенных матрацах, укрываясь своей верхней одеждой. Отец, точно помню – своим полушубком. Он сам себе шил полушубки ещё в Эстонии. Выделывал шкуры, мог всё – что надо по хозяйству. А наша верхняя одежда была для Сибири очень нетёплая, скажем так. Но были какие-то вязаные вещи, платки.

Первые годы у нас было трудно с хлебом. Муки давали мало. Но были какие-то небольшие деньги, и мы ходили в сплавконтору, при которой была пекарня и можно было купить хлеба и кое-какие продукты. Это было за несколько километров.

Кого с нами выслали в Сибирь? Оказывается, когда списки составлялись, старались брать семьи, в которых больше детей. Потому что нужно было набрать определённое количество людей для выполнения плана по депортации. С нами была женщина из Вяндра с тремя детьми по возрасту чуть старше нас, одинокая женщина с мальчиком пяти лет, мать с дочерью постарше и одинокий мужчина без семьи.

Из других районов Эстонии была женщина с пятью детьми от пяти до четырнадцати лет. Мать и два мальчика десяти и двенадцати лет. Потом ещё мать и мальчик пяти лет. Другая – мать с ребёнком, второй её остался в Эстонии,

и старик отец, который через год там и умер. Женщины были без мужей. Три семьи с детьми жили в одной комнате – тихий ужас, как говорится.

Поскольку нас привезли уже к началу апреля, нам дали картошку из колхоза. У дома была земля, на которой разрешили посадить картошку. И мать уже заранее готовилась – она взяла с собой семена из Эстонии. Я сажала горох и всё росло очень хорошо, потому что земля такая – цены ей нет! Мама уж в этом очень понимала.

Работали летом в поле: на покосах, прополке, на ферме. Все были связаны в Эстонии с собственным хозяйством, поэтому для нас это было как-то знакомо. И были приучены к труду и дети. И хотя в колхозе мы вообще раньше не были, но там всем находилась работа. В колхозе все дети летом работают. Зимой учатся, а летом работают.

В этом колхозе было очень много немцев, высланных в двадцатые, наверное, годы и в сороковые с Поволжья, немцы с Украины. Это очень трудолюбивые люди и можно сказать, что весь колхоз на них и держался. Потому что местные жители старались куда-то уехать.

Немцы поначалу нам помогали. Приносили дыни, о существовании которых мы раньше даже не знали – может поэтому не всем нам они понравились. Хотя дыни там очень вкусные – жёлтые, небольшие, сладкие и душистые. Немцы приучали нас к новой жизни и как-то помогали – морально и советами.

Колхоз выращивал картошку, пшеницу, гречку, которую мы никогда не ели. Просо, пшено, о которых мы понятия не имели и не знали их вкуса. Табак выращивали в большом количестве. Коноплю, помидоры, капусту, огурцы, дыни, арбузы, тыкву – всё это под открытым небом. Хотя зима и холодная, но всё созревало на корню, даже помидоры – целые плантации. Но мы их не пробовали, всё отправляли на заготовки. Конопля отправлялась на изготовление веревок.

Лес был полон малины, смородины, облепихи, черники. То, что в Эстонии едва вызревало в огороде, там всё давала природа. И море ежевики по берегам Оби. Не было только банок и сахара!

Из ежевики местные жители научили нас делать лепёшки, немножко смешивая сочные ягоды с мукой. Лепёшки сушили на солнце, раскладывая на поленницах. А зимой пекли ватрушки и пироги. Сушили и другие ягоды. Облепиху чаще всего замораживали – она хранится очень хорошо.

Несколько летних сезонов мы с Маре работали на сенокосах. Места сенокосов лежали за Обью. Поэтому к ним добирались на лодках – туда и обратно на вёслах. Ширина реки в месте переправы была около километра. На покосе жили в шалашах, ставя их подальше от берега. Весь левый берег Оби был сплошным ковром из покосов и рощиц, в которых росли разнообразные ягоды. Там, где было ровно, между ними ходила конная косилка. Места вокруг деревьев и неудобья косили вручную. Косцами были и дети, и взрослые. Убранное

сено сушили в стогах, отвозя его верхом на лошади. Зимой, когда Обь замерзала, сено по льду перевозили на ферму.

В шалашах было огромное количество комаров. Это было что-то жуткое. Работали и спали всю неделю в одной и той же одежде. Еда была такой, что иногда трудно было её есть. Иногда это были галушки из чёрной муки, которые варили в воде. Иногда мы брали из дома свежие огурцы и хлеб. Это бралось на неделю. Вечером выкуривали комаров из шалашей, потом затыкали отверстия сеном и так спали. Умывались утром в мелких озёрах, которых было великое множество вокруг. Это были остатки старицы – старого русла Оби. Оттуда же пили и воду. Она была чистая, но на вкус отличалась не в лучшую сторону. Но что было, тем и обходились.

Обратно нужно было плыть на лодке до деревенской пристани. К пристани Нижнего Сузуна приходили даже пароходы, так как река была очень широкой и полноводной. Чтобы попасть на пристань, мы должны были плыть против течения. Лодку перегоняли вдоль берега вверх с километр. Там мы садились в неё и течение во время движения сносило нашу лодку прямо к пристани.

На полевых работах в то время обеденный перерыв длился два часа. Зато работали от зари до зари. Во время обеда было очень жарко и люди засыпали где попало. К счастью, днём было меньше комаров и спалось легче. Все вповалку: парни, девки – в одних шалашах.

На воскресенье всех отпускали домой – помыться, пере-

одеться собрать какие-то продукты на новую неделю.

Всё было бы хорошо, если бы не такая широкая река. Однажды, ранней весной, Меди с обозом поехала по льду через Обь за сеном. В то время я уже покинула колхоз, а Меди осталась работать там – ей было тогда лет 17. На льду уже появились первые весенние лужи, и он начинал потрескивать. Обозные сани были запряжены коровами и всем было очень страшно. Когда Меди вернулась домой, её частично парализовало от страха. Врач в деревне отсутствовал, как и лекарства. Вместо врача была медсестра – сосланная за что-то полячка, которая лечила всех по мере своего разумения. Лишь благодаря своему умению она и смогла выходить мою младшую сестру Меди – какими-то процедурами и теплом вместо лекарств.

Одно время я пасла телят. Это, в общем то, приятное занятие, если не вставать в пять утра, а то и раньше. Днём в жару телята не выдерживали – было очень много овода. Только услышат жужжание – сразу хвост трубой и домой! Пасти было сложно, потому что телят было много, а некоторые были совсем маленькие. Малыши спали, а большие норовили на поля. Поля были вспаханы так, что между ними оставались колки – берёзовые рощи и кустарники с разными ягодами. Нужно было беречь посевы от телят и гнать их в эти колки.

У меня была напарница-телятница – немка Ольга. Как она пела! Прямо на весь телятник! И не хуже известных мне оперных певиц. Она всё знала про пение и имела очень кра-

сивый голос. Когда все уехали из колхоза, она оставалась здесь последняя с очень красивой, как и мама, дочерью. Дочь работала дояркой. Труд был только ручной, тяжёлый. Через какое-то время у дочери заболели руки от такой работы, и она стала инвалидом. Ольга с дочкой осталась в Нижнем Сузуне. И когда Меди через 30 лет решила поехать посмотреть, что осталось от этого села, она встретила там Ольгу!

Меди рассказала, что деревни уже не осталось, кроме нескольких домов. И что ещё что-то сеют, выращивают, но уже не так.

Дома в Нижнем Сузуне строили из толстых еловых брёвен. Швы заделывали мхом. Сруб ставили прямо на землю, без фундаментов, что намного быстрее. Еловые смолистые брёвна стоят до ста лет. А если что – меняли только нижние венцы. За 10 лет, которые мы провели в деревне, некоторые эстонцы выстроили себе красивые дома. Они брали займы на обзаведение материалами, скотом. Обжились землёй, огородами. В общем, стали сибиряками. Некоторые даже не хотели уезжать. Но тяга к Родине была выше всего.

Годами позже, после возвращения в Эстонию, даже наша мать сказала: – Я бы и не уехала отсюда – такая земля! Там можно озолотиться, если работать! Давали бы только земли достаточно, а не шесть соток, и возможность получать за труд! Всё травой зарастает. Никому пользы нет, а даже косить не разрешают.

По этой причине коровы были не у всех. Но всё равно, ес-

ли были силы и молодые руки, все старались работать из последних сил. В ямах на улице хранили картошку. Ямы выкапывались глубокие, в глинистой почве, чтобы не осыпались, и сверху накрывались жердями, которые засыпали землёй. Первые годы мы ещё иногда бегали на колхозное поле воровать картошку и горох. Но это было очень опасно. Хотя, как говорится, дальше Сибири уже не сошлют. Да и для детей эти набеги были самым захватывающим событием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.